

Я наконец успокоилась, перестав беспокоиться за А-Хуань, но теперь боялась, что слуги Шоули, видя его непопулярность, не будут заботиться о нём должным образом. Поэтому я собрала всех, кто был рядом с ним, и каждому вручила по десять отрезков шёлка. Особенно выделила ту няньку, которую наказали: сначала строго предупредила её, чтобы впредь она была осторожна в словах и поступках, уважая Ли Даня и представителей семьи У. Я отчитала её так, что она дрожала и чуть не расплакалась передо мной, а затем мягко утешила и дополнительно наградила её сорока отрезками белого шёлка. Видя, что все успокоились и просияли, я наконец легла. Голова была тяжёлой, словно тысячи маленьких человечков уговаривали меня заснуть, но, закрыв глаза, я не могла перестать думать о многом. Ли Жуй уже полгода как уехал из столицы — как он там? То, что матушка поручила мне изучить, я не смогла прочитать за две недели. Сейчас я болею, но что будет, когда выздоровею? Меня спросят об этом? Почему она без предупреждения прислала мне ящик с докладами? Что это — желание воспитать меня или предупреждение? Матушка всё же провела обряд стрельбы из лука, но будут ли министры возражать третьего марта? Хоу Ван не страшен, но Ли Мин явно недоволен матушкой. Собравшись вместе, родственники из императорской семьи не устроят ли смуту... или даже мятеж? На этой охоте я видела Хулюй Добао, но не видела Дугу Шао. Как она поживает? Цуй Мин-дэ тоже давно не видела. Отец и Ли Шэн уже похоронены, храмы построены, и переписывать сутры больше не нужно. Но я слышала, что она всё ещё пребывает в дворцовом городе, погружённая в молитвы с монахами, добровольно молясь за упокой души покойного императора. Неужели она действительно не интересуется политикой, или снова что-то замышляет? Её дед Цуй Цзяо, после многократных указов матушки, наконец был восстановлен в должности министра Ведомства весны — бывшего Министерства ритуалов. За один день он трижды получил в подарок расшитые халаты, пшеницу-цзямай и золотую рыбу, что свидетельствовало о его невероятной чести. Лю Ичжи в последнее время вёл себя спокойно. По традиции Зала государственных дел, министры по очереди подписывают документы, но он несколько раз отказывался, уступая это право Пэй Яню. В последнее время самым влиятельным министром был Пэй Янь, который не только сам достиг высокого положения, но и женил своего сына на дочери госпожи Лу, а дочь выдал замуж за внука Хоу Вана. Его семья действительно процветала. Кстати, был ли Цуй Цзяо назначен советником? Если да, то он тоже стал министром. На чьей стороне он будет? Раньше я считала его занудным и высокомерным, но теперь поняла, что он не просто старый лис, а настоящий тысячелетний демон. Если он поддержит матушку, то нескольким Пэй Яням вряд ли удастся ему противостоять...

Раньше, когда я спала крепко, я смеялась над А-Хуань, говоря, что она либо плохо спит по ночам, либо постоянно мучается от бессонницы и снов, и что это просто её глупости. Но теперь я поняла, что, когда в сердце есть заботы, действительно «ворочаешься с боку на бок, не находя покоя». Пролежав в постели около часа, я не выдержала, накинула одежду и пошла проверить Шоули. Малыш, которого уложили спать ровно, теперь лежал поперёк кровати, склонив голову, вытянув ноги и раскинув руки, слюни текли по щеке. Во сне он дёрнул ногой, словно во сне, и, ещё не открыв глаз, скривил губы, готовясь заплакать. Дворец был пуст, и его плач наверняка разбудил бы матушку. Я быстро подняла его, слегка похлопала, и он, полуоткрыв глаза, невнятно произнёс:

— Матушка.

Затем он устроился у меня на руках и снова заснул.

Я стояла в оцепенении, прежде чем вспомнила, что нужно отдать его няньке. Выйдя из бокового зала, я почувствовала себя ещё более растерянной — то ли из-за болезни, то ли от радости. Я думала, что у меня никогда не будет детей, и, как бы я ни любила Шоули, не смогу считать его своим. Но, услышав, как он называет меня матушкой, я почувствовала, что мы

связаны кровными узами — это мой ребёнок, мой и А-Хуань. Ли Шэн, Ли Бинь, Ли Жуй... их дети могут быть умнее и знатнее, но это их дети, не мои. Только Шоули наш, мой и А-Хуань, уникальное сокровище.

Этой ночью я не могла уснуть и, чтобы не поддаваться бесполезным мыслям, велела зажечь лампу и взяла доклады, присланные матушкой. Возможно, из-за ночной тишины и отсутствия помех, я была особенно внимательна, и то, что раньше казалось сложным и непонятным, теперь стало ясным и простым.

Видимо, из-за скандала с отстранением императрицы, отец и матушка избегали упоминаний о том обряде Фэншань. Тогда Ли Шэн находился в столице в качестве регента, Ли Жуй был ещё младенцем, а я даже не родилась, поэтому я ничего не знала об этом — пока матушка сама не вручила мне тот ящик.

На первый взгляд эти доклады казались сложными, и, хотя я внимательно читала их две недели, я лишь немного разобралась в биографиях и связях людей, но суть событий оставалась неясной. Однако, если рассматривать отца, матушку и придворных как отдельные группировки и связать это с ситуацией при покойном императоре, всё становилось понятным.

Отец взойшёл на трон в юном возрасте и в первые годы правления находился под влиянием старых министров покойного императора, что вызывало у него бунтарские настроения. Пока была жива вдовствующая императрица, он не решался действовать слишком смело, но после её смерти, несмотря на возражения министров, он сделал матушку императрицей. С тех пор он постоянно поддерживал её, боясь, что министры, пользуясь его молодостью, будут пренебрегать ею. Матушка, в свою очередь, всегда защищала отца, выдвигая предложения, которые он не решался озвучить, и подписывая указы, которые он не хотел издавать. Она брала на себя ответственность за непопулярные решения, защищая его репутацию. При отце страна процветала, но он, став самодовольным, начал предаваться роскоши и удовольствиям, боясь осуждения потомков. Поэтому он поручал матушке устраивать пышные мероприятия, чтобы она брала на себя вину за его экстравагантность. Всё, что было глупым, неразумным и расточительным, приписывалось министрам и матушке, а отец, как император, оставался безупречным.

Любая другая женщина, наслаждаясь положением императрицы, с готовностью брала бы на себя вину отца и жила бы в согласии с ним. Но отцу повезло встретить матушку.

Её амбиции, росшие вместе с её способностями, наконец проявились во время обряда Фэншань — она хотела стать вторым участником церемонии.

До этого матушка была образцовой императрицей, скромной, сдерживающей своих родственников, не проявляющей ревности и действующей в согласии с волей отца. Даже вмешиваясь в государственные дела, она делала это с его одобрения, лишь подписывая указы от его имени. Но, используя обряд Фэншань, матушка, с одной стороны, подавляла и разделяла министров, а с другой — настраивала их против отца, и в итоге одержала победу в этой тихой битве, став второй в истории императрицей, участвовавшей в Фэншань.

Тот ящик содержал не только предысторию обряда Фэншань, но и первое явное проявление воли матушки, наложенной на отца и министров.

И она победила.

На следующий день я всё ещё не могла уснуть, чувствуя усталость, но находясь в возбуждённом состоянии. Увидев, что в зале Цишэн началось движение, я поспешно оделась и,

опередив министров, подошла к матушке. Не дожидаясь, пока служанки доложат о моём приходе, я громко позвала из двери:

— Матушка!

Матушка засмеялась, и её голос, доносящийся изнутри, звучал спокойно и протяжно:

— Войди. Ты же ещё больна, почему так рано встала?

Я, подобрав юбку, вошла внутрь и издали увидела матушку, стоявшую в расстёгнутой одежде. Я быстро поклонилась, затем поднялась:

— Матушка, я прочитала всё, что было в ящике, и пришла доложить.

Матушка посмотрела на меня с усмешкой:

— Только из-за этого?

Увидев, что она в хорошем настроении, я подошла ближе и с улыбкой сказала:

— Я провела всю ночь за чтением, поэтому решила сразу рассказать тебе.

Матушка сразу нахмурилась:

— Почему ты не могла прочитать это в другое время? Это из-за Шоули?

<http://bllate.org/book/16278/1467242>